

На правах рукописи

КОЛОБОВА Юлия Игоревна

**ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
П. П. СУВЧИНСКОГО В КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА**

Специальность 24.00.01 Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Киров
2006

Работа выполнена на кафедре культурологии и рекламы
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Вятский государственный гуманитарный университет»

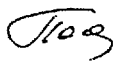
- Научный руководитель:** кандидат искусствоведения, доцент
Поспелова Наталья Ивановна
- Официальные оппоненты:** доктор искусствоведения, профессор
Савенко Светлана Ильинична
- кандидат культурологии
Семибратов Владимир Константинович
- Ведущая организация:** Российский институт культурологии
Министерства культуры
и массовых коммуникаций РФ

Защита состоится 23 декабря 2006 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук, доктора культурологии при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Автореферат разослан 23 ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н. И. Поспелова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено культурологическому анализу личности и творческой деятельности П. П. Сувчинского.

Актуальность темы исследования. Любая «неизвестная величина» в культурно-историческом процессе – будь то деталь биографии художника или эстетическое направление, частная жизнь людей, творивших историю, или эскиз ненаписанного произведения – вызывает множество вопросов, требующих научного осмысления. Не является исключением и богатое, но все еще малоизученное, наследие русской эмиграции «первой волны». В этом отношении диссертация встраивается в пласт научных исследований, посвященных анализу жизни и творчества тех представителей культуры, кто составил золотой фонд русской интеллектуальной элиты за рубежом.

В центре внимания автора диссертации – одна из знаковых фигур русской эмиграции Петр Петрович Сувчинский (1892–1985). Культуролог, музыковед, философ, критик, общественный деятель, издатель, пианист, педагог – вот далеко не полный перечень дарований, которыми обладал человек, оказавший большое влияние как на творческое сознание современников, так и на процессы развития культуры в целом. Исследование многогранной, творчески одаренной личности П. П. Сувчинского на фоне наиболее значимых культурных событий XX века делает тему *актуальной* не только в исторической ретроспективе (вписанность в проблематику культуры русской эмиграции), но и в плане теоретической разработки культурологического подхода к изучению личности.

В историю русской общественно-политической мысли П. П. Сувчинский вошел как идеолог, организатор и активный участник евразийского движения (и с этой стороны его деятельность достаточно изучена¹). Для европейской культуры (преимущественно французской) он более известен как Pierre Souvitchinsky – философ, публицист, историк музыки, вдохновитель и организатор культурных проектов Русского Зарубежья. В этом качестве авторитет П. П. Сувчинского на Западе был настолько велик, что позволяет сравнивать его с выдающимся русским антрепренером, интеллектуалом С. П. Дягилевым, много сделавшим как для продвижения русского искусства на Западе, так и для развития самой европейской культуры. Однако в отличие от С. П. Дягилева, масштаб личности П. П. Сувчинского, его культуросозидательная роль еще не получили в науке адекватной оценки: до сих пор нет отдельной монографии, посвященной жизненному и творческому пути П. П. Сувчинского, нет специальных исследований, ориентированных на анализ его прогностических идей, философско-эстетического, литературоведческого и культурологического наследия, издательских проектов. Данная диссертация в определенном смысле восполняет этот пробел.

¹ См.: Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997; Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сборник трудов евразийцев / Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1997; Пашенко В. Я. Социальная философия евразийства. М., 2003; Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004 и др.

Необходимо отметить одну черту, которая уточняет наше представление о «культурологическом амплуа» П. П. Сувчинского и, соответственно, актуализирует выбранный ракурс исследования: Петр Сувчинский был человеком, способным, по мысли В. Козового, в подлинно «сократовском» смысле чувствовать *другого*, помогая создавать и реализовывать оригинальные творческие идеи. Среди «других» – гении XX века: И. Ф. Стравинский, С. С. Прокофьев, М. И. Цветаева, Б. Л. Пастернак, А. Арто, П. Булез, отношения с которыми отличались внутренней напряженностью и глубиной интеллектуального поиска, перспективностью новых открытий. Интересы в области «работы духа» простирались у него от В. Э. Мейерхольда до А. Арто – в театре; от мирискусников до В. В. Кандинского, К. С. Малевича, Х. Миро – в живописи; от А. Н. Скрябина до П. Булеза – в музыке; от Ф. Ницше до Ж. Деррида – в философии; от евразийства до участия в просветской общественной организации «Союз возвращения на Родину» – в политике. Все это, несомненно, характеризует П. П. Сувчинского как человека необычайно образованного, деятельного, с большим культурным кругозором и разносторонней эрудицией. В России и эмиграции П. П. Сувчинский общался с видными политиками, философами, учеными, писателями, музыкантами, художниками, режиссерами, о чем свидетельствует обширная переписка с Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, С. Н. Булгаковым, А. В. Луначарским, И. Э. Бабелем, М. Горьким, Н. С. Трубецким, Р. О. Якобсоном, П. Б. Струве, В. Э. Мейерхольдом, Д. С. Мережковским, И. Ф. Стравинским, С. С. Прокофьевым, Б. Л. Пастернаком, М. И. Цветаевой, М. В. Юдиной, И. Г. Эренбург, Р. Шаром, А. Камю, Ж.-П. Сартром (и это далеко не полный список его адресатов). Богатое эпистолярное наследие говорит о том, какую роль (несомненно, большую, чем известность) играла личность П. П. Сувчинского в культурной палитре и судьбах людей XX столетия.

Степень научной разработанности проблемы. Тема диссертации определила обращение к широкому и разнообразному кругу литературы. Это связано со спецификой материала исследования (богатая, но научно неотрафлированная эмпирика). Имеющаяся литература, посвященная П. П. Сувчинскому, носит преимущественно историософский и мемуарно-публицистический характер и сводится, в основном, к текстам современников. Даже в совокупности они не дают полного представления о специфике личности, сфере интересов и достижений русского интеллектуала. Одна из самых заметных работ последнего времени – «Петр Сувчинский и его время» В. Козового, где автором сделана серьезная попытка не только зафиксировать сам факт своей дружбы-сотрудничества с П. П. Сувчинским, но и впервые оценить масштаб дарования и влияния неординарной личности на события XX века². Определенный вклад в разработку данной проблемы внес И. В. Нестьев. Будучи также лично знаком с П. П. Сувчинским, он на конкретном фактологическом материале (впервые на страницах советской печати) рассмотрел взаимоотношения критика искусства с русскими музыкантами³. Среди новейших публикаций следует отметить монографию «Петр Сувчинский и его время. Русское музыкальное за-

² Козовой В. Петр Сувчинский и его время // Тайная ось. Избранная проза. М., 2003.

³ Нестьев И. В. Четыре дружбы. П. Сувчинский и русские музыканты // Советская музыка. 1987. № 3. С. 83–95.

рубежье в материалах и документах» под редакцией А. Л. Бретаницкой⁴, где собраны статьи П. П. Сувчинского о русской литературе, музыке, опубликованные в разное время на русском и французском языках, а также часть обширной переписки П. П. Сувчинского и воспоминания о нем современников. Этот труд и недавно увидевшая свет монография И. Г. Вишневецкого «“Евразийское уклонение” в музыке 1920–1930-х годов»⁵, посвященная проблемам евразийства в контексте социологии музыки и музыкальной эстетики, стали еще одним серьезным стимулом к нашей научно-исследовательской рефлексии. В настоящее время опубликована значительная часть эпистолярного наследия П. П. Сувчинского с комментариями Дж. Мальмстада (к переписке с М. Горьким), В. Козового (к переписке с Б. Л. Пастернаком), Ю. Клюкина, В. Козового, Л. Мнухина (к письмам М. И. Цветаевой из архива П. П. Сувчинского), С. И. Савенко (к переписке с И. Ф. Стравинским), А. М. Кузнецова и А. Л. Бретаницкой (к переписке с М. В. Юдиной). При этом некоторая часть писем (как и теоретические работы, рецензии, статьи на французском языке) остается пока недоступной, находясь в личных архивах, а также фондах Национальной библиотеки Франции. Зарубежные исследователи (J. Aquila, N. Francois) упоминают имя П. П. Сувчинского в связи с его совместной работой с П. Булезом в музыкальном проекте «Domaine Musical», оставляя без внимания конкретный вклад культуролога в один из самых значительных международных проектов послевоенной Европы.

В диссертации задействован корпус исследований различных научных направлений: философии личности (А. Ф. Лосев, З. Агацун, Э. В. Ильенков, Э. А. Азроянц, Ю. М. Резник, К. З. Акопян), психологии и социологии личности (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, И. С. Кон, Л. В. Сохань), исторической персоналогии (Л. П. Репина, Г. Н. Савельева, Т. В. Артемьева, М. И. Микешин). В отечественной культурологии личность в контексте культуры рассматривается в работах Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, Г. С. Кнабе, М. С. Кагана, Э. В. Соколова, С. Н. Иконниковой, О. А. Кривцуна, Э. С. Маркаряна, Т. С. Злотниковой, А. А. Гудковой, А. С. Ласкина и др. Отдельный массив составили работы, в которых историко-теоретическое осмысление получил биографический метод (Г. О. Винокур, Ю. М. Лотман, А. Л. Валевский, Г. Е. Померанцева, И. Сурат). Нами использованы также исследования по истории русской эмиграции «первой волны» (Г. Ю. Стернин, И. В. Кондаков, О. Р. Демидова, А. М. Кузнецов, М. Г. Литаврина, А. И. Новиков), в том числе специально посвященные евразийской проблематике (С. С. Аверинцев, М. Г. Вандалковская, В. Я. Пашенко, М. Ларюэль и др.) и музыкальному Зарубежью (Л. З. Корабельникова, М. П. Рахманова, Н. П. Савкина, Франс Ш. Лемэр и др.).

⁴ Петр Сувчинский и его время. Русское музыкальное зарубежье в материалах и документах / Под ред. А. Бретаницкой. Кн. 1. М., 1999. Издание осуществлено объединением «Композитор» при поддержке Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки в рамках проекта «Русское музыкальное зарубежье в материалах и документах».

⁵ Вишневецкий И. Г. «“Евразийское уклонение” в музыке 1920–1930-х годов: История вопроса. Статьи и материалы А. Лурье, П. Сувчинского, И. Стравинского, В. Дукельского, С. Прокофьева, И. Маркевича: Монография. М., 2005.

Таким образом, отсутствие комплексного исследования, посвященного одному из блестящих представителей культуры русской эмиграции, определило главную *цель исследования* – раскрыть особенности личности и творческой деятельности П. П. Сувчинского через создание культурной биографии, срез его интеллектуальных воззрений в контексте магистральных социокультурных тенденций и художественных событий XX века. Поэтапная реализация данной цели повлекла за собой постановку и решение следующих *задач*:

- разработать методологический подход к изучению личности П. П. Сувчинского;

- на примере П. П. Сувчинского обосновать положение о том, что для деятелей культуры, не имеющих отношения к созданию произведений искусства как «первичных продуктов творчества» (М. С. Каган), биография выступает в качестве особой формы культурного творчества;

- проанализировать тип культурсозидательной личности, характерный для переломной эпохи (на примере П. П. Сувчинского и С. П. Дягилева);

- систематизировать факты биографии П. П. Сувчинского и реконструировать его жизненный и творческий путь;

- исследовать характерные психологические особенности личности П. П. Сувчинского; проследить ее соотнесенность с разработанной евразийцами моделью «симфонической личности»;

- исследовать наиболее значимые достижения П. П. Сувчинского как культуролога, теоретика и философа музыки.

Объектом исследования стала личность П. П. Сувчинского, *предметом* – жизненный и творческий путь П. П. Сувчинского, его культурологические и музыкально-философские воззрения, взятые в аспекте их аксиологической представленности в культуре.

Источниковой базой диссертации послужили опубликованные работы П. П. Сувчинского, посвященные вопросам культуры и искусства⁶, а также его эпистолярное наследие и воспоминания о нем современников.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Обращение к личности как теоретической проблеме, ее экспликация на персональный план (жизненный и творческий путь П. П. Сувчинского) продиктовали выбор междисциплинарного научного дискурса. Данный подход обусловлен необходимостью использования работ из смежных областей научного знания. Теоретическая база диссертации представлена исследованиями по теории и истории культуры, культурной антропологии (Ю. М. Лотман, Г. С. Кнабе, М. С. Каган, А. В. Гулыга, С. Н. Иконникова, О. А. Кривцун, Э. В. Соколов, А. С. Ласкин); психологии, социологии, истории, философии личности (А. Ф. Лосев, Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, И. С. Кон, К. З. Акопян, Л. П. Репина, Э. В. Ильенков); проблемам русской эмиграции («первой волны»

⁶ «Два ренессанса. 1890–1900-е и 1920-е годы» (1926), «К познанию современности» (1925), «Типы творчества. Памяти А. Блока» (1921), [Предисловие к поэме А. Блока «Двенадцать»] (1921), «По поводу “Апокалипсиса нашего времени” В. Розанова» (1927), «Знание былого. О Лескове» (1921–1922), «Понятие о времени и Музыка (размышления о типологии музыкального творчества)» (1939), «Из заготовок к “Музыкальной поэтике” Стравинского» (1939), «Эти из “Domaine musical”» (1965), [О Чайковском] (1961), «Стравинский вблизи и подаль. Десять (разнородных) положений» (1975), «Четыре пункта» (1971).

(С. С. Аверинцев, Г. Ю. Стернин, И. В. Кондаков, О. Р. Демидова, М. Г. Вандалковская, М. И. Раев, М. Г. Литаврина, В. Я. Пашенко). Немаловажную роль для концептуальных положений диссертации сыграли труды, посвященные проблемам времени и философии музыки (Ф. Ницше, А. Бергсон, М. Хайдеггер, А. Ф. Лосев, Б. В. Асафьев).

При решении конкретных задач автор работы опирался на совокупность методов: биографического (с целью культурологической реконструкции жизненного пути П. П. Сувчинского); историко-типологического (при выявлении культурного типа личности переломной эпохи рубежа XIX–XX веков); сравнительно-функционального (с целью изучения личностей П. П. Сувчинского и С. П. Дягилева); герменевтического с элементами феноменологии (в связи с анализом культурологических и музыковедческих текстов П. П. Сувчинского).

Научная новизна работы определяется культурологическим исследованием феномена П. П. Сувчинского и состоит в комплексном осмыслении существенных и приоритетных для культурологии теоретических и исторических проблем: прежде всего это проблема биографии П. П. Сувчинского; во-вторых, актуальная для культурной антропологии и психологии творчества теория личности, конкретизированная на примере таких «участников» культурного процесса, как антрепренеры, продюсеры, критики, исполнители и т. п., к числу которых принадлежал П. П. Сувчинский; в-третьих, проблема методологии анализа творческих личностей. На основе заявленного ракурса исследования в диссертации впервые

- осуществлена реконструкция биографии П. П. Сувчинского, проанализированы основные этапы его творческой эволюции;
- исследованы культурологические и музыкально-философские воззрения П. П. Сувчинского в контексте развития основных тенденций культуры XX века;
- разработан и апробирован (на примере П. П. Сувчинского) культурологический подход к изучению личности.

Следует выделить две стороны *теоретической значимости работы*: первая связана с культурологическим осмыслением феномена личности и творческого наследия П. П. Сувчинского в культуре XX века; вторая – с методологической разработкой интегративного подхода к изучению личности, позволяющего внести необходимые коррективы в развитие «человековедческих» аспектов современной гуманитаристики, и более конкретно – продолжить комплексную разработку теории личности.

Практическое значение работы заключается в возможности использования результатов исследования в качестве материалов к вузовским курсам специальной направленности (историческая культурология, культура русской эмиграции, история музыкальной культуры и др.).

Личный вклад автора работы состоит в культурологическом анализе личности, творчества и жизненного пути Петра Петровича Сувчинского. Данная диссертация – первое исследование монографического характера, посвященное яркому представителю русской эмиграции «первой волны».

Положения, выносимые автором на защиту:

1. Культурологическая реконструкция жизненного и творческого пути П. П. Сувчинского означает соотнесенность его биографии с культурно-историческим контекстом эпохи через выделение личностно и социально значимых проблем (таких, например, как творческое самоопределение и инкультурация).

2. Начало XX века характеризуется появлением культурсозидательного типа личности, сформированной духовно-психологической и общественно-политической атмосферой рубежного времени. К данному типу принадлежали С. П. Дягилев и П. П. Сувчинский, чье миросозерцание, философско-эстетические взгляды, общественная деятельность были обусловлены ориентацией на опережающие тенденции в развитии художественной культуры XX века (с опорой на общекультурные и национальные традиции).

3. Феномен П. П. Сувчинского – это пример того, как в конкретной жизни выразительно соединяются общая тенденция развития культуры и логика развития личной судьбы, как творение собственной биографии (сознательное выстраивание жизненной перспективы) становится формой культурного творчества, обнаруживая единство «человека живущего» с «человеком созидающим».

4. В личности П. П. Сувчинского нашла свое отражение евразийская модель «симфонической личности», своеобразие которой проявляется в ее культурсозидательной миссии.

5. Интеллектуальный универсализм П. П. Сувчинского реализовался в логике смены и полифоническом взаимодействии культурных парадигм XX века (от модернизма – к постмодернизму, от увлечения евразийством – к его преодолению, от советской эстетики – к авангарду).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 11 научных публикациях. Они обсуждались на международной научной конференции «Русская эмиграция XX века. Первые культурологические чтения» (Москва, 2005); Всероссийской конференции «Евразийское пространство глазами молодых» (СПб., 2003); межрегиональной конференции «Интеллектуальная элита России XX века: столица и провинция» (Киров, 2003); в рамках постоянно действующего междисциплинарного теоретического семинара «Культурологические штудии» (Киров, 1999, 2001, 2005). Материалы исследования поэтапно обсуждались на заседаниях кафедры культурологии и рекламы Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет» (ВятГГУ), а с 2006 года стали основой авторского курса диссертанта «Культура русской эмиграции», читаемого на историческом факультете ВятГГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Общий объем работы 155 страниц. Библиографический список литературы содержит 291 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность избранной темы, рассматривается степень изученности проблемы, определяются цели и задачи, методологические основы, объект и предмет исследования, указывается теоретико-методологическая база, формулируется научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость.

Первая глава – «Личность как научная проблема» – носит теоретико-методологический характер. В ней разрабатывается культурологический подход к изучению личности, исследуется биография как форма культурного творчества и предпринимается попытка выявить типологические черты культурсозидательной личности (на примере личностей П. П. Сувчинского и С. П. Дягилева).

В параграфе 1.1. – «*Культурологический подход к изучению личности*» – задается теоретическая рамка в изучении личности с позиций культурологии. Автор исходит из представлений о том, что личность как выражение качественной определенности человека является объектом изучения многих гуманитарных наук. В связи с этим в работе анализируются содержательные дефиниции понятия «личность» в различных научных дискурсах. Если в философии личность понимается как нечто возникающее, становящееся, проявляющее себя в трансценденции; в социологии – как устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества или общности, как совокупность выполняемых индивидом социальных функций; в психологии – как системное качество, связывающее воедино различные психические процессы индивида и придающее его поведению последовательность и устойчивость; то культурология трактует личность (и этого определения в работе придерживается автор) как «присущее индивиду психосоциальное и культурное начало, позволяющее ему активно участвовать в общественной жизни», как «продукт взаимодействия социально-культурных и психобиологических сил» (Э. В. Соколов). Рассмотренные трактовки понимания личности с позиций смежных социально-гуманитарных наук выявили, что существует определенная тенденция к научному синтезу знаний о личности, однако отсутствует научный инструментарий, с помощью которого возможно комплексное исследование категории личности (применительно к культурфилософскому, историческому, социальному и психологическому контекстам одновременно). Автор считает, восполнить существующий методологический пробел может научно-исследовательский подход, названный *культурологией личности*, предполагающий изучение личности в культурно-историческом контексте эпохи, при котором личность предстает как системное единство индивидуальных характеристик человека (психологический аспект), его мировоззрения (философский аспект), социальных и культуротворческих форм деятельности (социальный аспект), исторически значимых достижений (исторический аспект). Механизм реализации данного подхода включает в себя анализ типологических характеристик личности в контексте конкретной исторической эпохи и культурной среды, формирующей и раскрывающей заложенный в личности творческий потенциал; создание биографии

как формы культурного творчества; исследование человеческих и культурных контактов, повлиявших – прямо или опосредованно – на мировоззрение, творчество, выбор жизненного пути личности; моделирование психологического портрета личности, анализ ее ментальности и поведенческого комплекса; выявление доминантных черт в системе художественно-эстетических (или научных) взглядов; определение роли и места творческой личности в истории, ее ценностного вклада в культуру.

Культурология личности как исследовательский подход, на взгляд диссертанта, может быть использован при изучении личностей любого масштаба и рода профессиональной деятельности – будь то гении искусства, науки или «культурные герои», находящиеся «в тени» великих современников (антрепренеры, интерпретаторы, режиссеры, критики и т. д.).

В параграфе 1.2. – *«Биография как форма культурного творчества»* – обращается внимание на содержание и проблематику биографического метода. Современные исследования показывают, что «историй жизни» вне культуры практически не существует. Биография призвана создать человеческую историю через раскрытие жизненного мира личности, ее активную творческую деятельность. Подчеркивается, что биографическая традиция имеет дело не просто с фактом неповторимой уникальности исторических «персонажей», но с особым рода индивидуальностью, признанной таковой всем ходом исторического и культурного развития. А priori человек – творец своей судьбы. Он конструирует биографию в форме индивидуальной истории – как путь, имеющий свои жизненные этапы, свою динамику и свою логику. Следовательно, личность, имея безусловные «права гражданства» на собственную жизнь, на выбор ценностных ориентиров, обретает статус «культурного героя», активно участвуя в историческом процессе, влияя на ход событий и откладывая на них отпечаток своих мыслей, стремлений, интересов, решений, поступков, деятельности. Следовательно, когда говорят о культурной биографии, речь идет о самостроительстве личности, о раскрытии ее творческого потенциала, активной жизненной позиции, направленной на диалог с культурной средой.

Автор настоящего исследования, развивая идеи Г. О. Винокура и Ю. М. Лотмана, предлагает понимание биографии как формы культурного творчества применительно не только к судьбам гениев, но и тех деятелей культуры, чья творческая энергия нашла воплощение в различных сферах общественной деятельности (антрепренеры, меценаты, критики, исполнители и т. п.), в поддержке и продвижении идей, произведений гениальных современников. В жизни таких людей сотворение собственного «я» и сотворение себя как «человека своей эпохи» сливаются воедино, а биография выступает подчас единственной (удачно реализованной) формой культурного творчества. Понять мысль, которой жили эти люди, которая ими двигала, можно только в единстве знания контекста эпохи и контуров их жизненного пути.

В параграфе 1.3. – *«Тип культурсозидательной личности в переломную эпоху»* – дан сопоставительный анализ личности П. П. Сувчинского с личностью С. П. Дягилева, позволяющий выявить черты культурсозидательной личности переходных периодов истории. Речь идет не о сопоставлении

П. П. Сувчинского и С. П. Дягилева с точки зрения выявления их культурно-психологических особенностей как представителей одного возрастного поколения (это было бы неверным из-за имевшейся между ними разницы в возрасте), а об идентичности их социальных ролей: и тот и другой посвятили себя не столько созданию «первичных продуктов творчества» (как в случае с полными художниками), сколько продвижению творчества гениальных современников, умению найти и продемонстрировать содержащиеся в новых формах культуры оригинальные и перспективные идеи. С. П. Дягилева и П. П. Сувчинского можно отнести к зачинателям новой профессии, соединяющей в себе черты продюсера и режиссера, друга и соавтора, профессионального, заинтересованного зрителя и умного собеседника. Развитый художественный вкус, до профессионализма отшлифованная интуиция всегда подсказывали им, творчество каких художников определяет современный вектор развития искусства и в каких жанрово-стилевых сферах происходят самые радикальные изменения. Своей деятельностью они доказали, что роли «второго плана» несут в себе огромный творческий потенциал. Без активного служения культуре таких одаренных людей история создания культурных ценностей выглядела бы неполной, а ее самые «вершинные» результаты были бы немыслимыми или были бы иными» (С. С. Аверинцев).

Во второй главе – «Жизненный путь П. П. Сувчинского: опыт культурологической реконструкции» – систематизируются факты биографии П. П. Сувчинского, воссоздается его психологический портрет, дается культурологическая реконструкция жизненного и творческого пути. Как лейтмотив проходит в данной главе мысль о соединении общей логики развития культуры XX века с логикой развития личной судьбы П. П. Сувчинского. В его биографии можно выделить два периода: русский (1892–1919) и зарубежный (1920–1985). Последний – наиболее длительный – включает два самостоятельных периода: *евразийский* и *авангардный*.

В параграфе 2.1. – «В поисках самоопределения: П. П. Сувчинский и его культурное окружение до эмиграции (1892–1919 годы)» – рассматривается история становления и самоопределения личности П. П. Сувчинского, характерная для представителей культурной элиты начала XX века. Обращается внимание на уникальную роль, которую сыграла в русский период жизни П. П. Сувчинского художественная атмосфера Санкт-Петербурга, повлиявшая на выбор его эстетических предпочтений, определившая духовные приоритеты, выявившая умение определять «эпицентр» новых исканий в искусстве. В работе анализируются два крупных издательских проекта П. П. Сувчинского, относящихся к этому периоду жизни: журналы «Музыкальный современник» и «Мелос», в основу концепций которых была положена идея пропаганды современной музыки, в том числе через организацию концертов молодых композиторов в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве. В отличие от «Музыкального современника», в «Мелосе» П. П. Сувчинскому удалось осуществить идею «синтетического» журнала, содержание которого составили материалы, связанные с вопросами музыки, поэзии, философии, и которое отвечало исканиям рубежного времени. Выступив в качестве издателя и критика, он объединил вокруг себя

людей, чье мировоззрение соответствовало его представлениям о подлинном новаторстве и ценностях в искусстве (А. Белый, Б. В. Асафьев, Н. О. Лосский, Вл. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум). Констатируется, что в процессе реализации русских издательских проектов проявились интенции П. П. Сувчинского к культурсозидательной деятельности, в рамках которой был приобретен бесценный опыт. Кроме того, особое внимание обращается на благотворительную деятельность в сфере концертного, издательского дела. В этом смысле, подводит итог автор, П. П. Сувчинский оказывается в ряду тех, кто развивал традиции русского меценатства (П. М. Третьяков, А. А. Бахрушин, С. И. Мамонтов).

В данном параграфе реконструируется психологический портрет П. П. Сувчинского, относящийся к русскому периоду его жизни и восстановленный по воспоминаниям современников. Отмечается, что восприятие его личности современниками было далеко не однозначным (от полного приятия и восхищения до неприятия), однако эти мнения не носили характера устойчивых оценок и менялись в процессе совместного творчества и более близкого знакомства с людьми.

В параграфе 2.2. – *«Годы эмиграции (1920-е годы): «испытание евразийством»* – рассматривается начало эмигрантского пути П. П. Сувчинского, когда вынужденный покинуть Россию, он, слившись с огромным потоком переселенцев, пытался адаптироваться к социокультурным условиям европейской действительности.

В диссертации 1920-е годы определяются как сложный, противоречивый, но важный этап в становлении П. П. Сувчинского – политического и общественного деятеля. В этот период происходит формирование его политических и развитие эстетических увлечений, во многом, под влиянием евразийства, основателем и одним из идеологов которого он стал (наряду с кн. Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким, Г. В. Флоровским). Особое внимание уделяется наиболее яркому проекту П. П. Сувчинского – журналу «Версты» (1926–1928). «Версты», несмотря на «евразийский формат», ориентировались, прежде всего, на «синтетическую» философско-художественную проблематику. Отличие нового издания от петербургских заключалось в том, что в «Верстах» было мало музыкальной критики: главные акценты приходились в основном на философию и литературу. Появление П. П. Сувчинского на страницах «Верст» в качестве художественного публициста, философа и критика свидетельствует о том, что в период «игры в политику» у него сохраняется стойкий профессиональный интерес к искусству. Кроме того, подчеркивается, что в социальном плане П. П. Сувчинского характеризует постоянный «уход в тень». При этом отмечается, что одна из причин нежелания быть на виду, а довольствоваться «ролью второго плана», связана с психологическими особенностями его натуры, усугубившимися спецификой подпольной жизни (особенно в 1924–1925 годах, когда конспиративный принцип «неназывания имен» стал общим поветрием в среде евразийцев, когда воцарился культ подпольщины, обязательных кличек, раздававшихся руководством движения на тайных заседаниях его участникам). От привычек, выработанных в молодости и укорененных в зрелые годы, П. П. Сувчинский не откажется и в будущем. Исследование его

жизни в 1920-е годы подводит диссертанта к проблеме соотношения феномена личности П.П. Сувчинского с евразийской теорией личности. Она решается посредством анализа евразийской модели «симфонической личности». Личность П. П. Сувчинского, считает автор, предстает проекцией этой модели.

В параграфе 2.3. – *«Проблема инкультурации: П. П. Сувчинский и музыкальный Париж 1930–1980-х годов»* – рассматривается проблема включенности П. П. Сувчинского как представителя русской культуры в социокультурное пространство страны проживания (Франция), что было связано с изменениями, обусловленными разрушением привычной эмигрантской среды во время Второй мировой войны.

Отношения с русской эмиграцией у П. П. Сувчинского складывались достаточно сложно. В работе раскрываются причины подобного отчуждения. Первая причина связана с особенностями творческой натуры, одной из психологических доминант которой стало неистребимое желание быть независимым. Вторая – с открытостью всему новому и углубленной сосредоточенностью на своей внутренней жизни, граничащей с замкнутостью и недоверчивостью. Личные взаимоотношения П. П. Сувчинского с русскими в Париже, по мнению В. Козового, были отягощены обыкновенной скукой, в то время как долгий путь внутренней эволюции П. П. Сувчинского привел его к выработке новых ценностных критериев, на которые эмиграция (как целое) была уже не способна. В-третьих, причина отчуждения от эмигрантской среды связана с симпатиями, которые П. П. Сувчинский испытывал к Советской России, а также с отношениями (пусть и кратковременными), возникшими у него с просоветской организацией «Союз возвращения на Родину», пользовавшейся «дурной славой» среди эмигрантов. Понимая всю сложность своего положения в начале 1920-х годов, П. П. Сувчинский вплоть до конца 1930-х годов пытается вернуться на Родину. Своеобразным жизненным итогом явилось то обстоятельство, что, окончательно разочаровавшись в «коммунистическом эксперименте», П. П. Сувчинский устанавливает контакты с французской художественной элитой, связи с которой приобретают особую интенсивность, начиная с конца 1930-х годов, когда происходила совместная работа с А. Арто над постановками пьес русских авторов; с Ж.-Л. Барро – над серией концертов «Музыкальные воскресенья» (1947); с Ж.-Л. Барро, П. Булезом, Г. Шерхеном – над музыкальным проектом «Domaine Musical» (1953–1973 годы). В диссертации подчеркивается, что эстетика П. П. Сувчинского в 1950-е годы предстает как совокупность идей, ориентированных на новейшие искания в искусстве, на художественные достижения авангарда. Жадный интерес к авангардной музыке в 1950–1960-х годах парадоксально уживается в сознании русского интеллектуала с верностью традициям отечественной классики, что нашло отражение в создании фундаментального исследования «Век русской музыки» (1943–1945 годы), а также в работе над двухтомным трудом «Русская музыка», куда вошли статьи А. Барро, П. Булеза, самого П. П. Сувчинского и других авторов о творчестве русских композиторов (издан в 1945 году). Среди советских адресатов, с кем П. П. Сувчинский ведет активную переписку в конце жизни, – поэт Б. Л. Пас-

тернак, пианистка М. В. Юдина. Более шестидесяти лет, проведенных за пределами России, были заполнены напряженным трудом в сфере музыкальной критики, редакторской и общественной деятельности. П. П. Сувчинский сумел преодолеть в себе «комплекс эмигранта», сохранив достоинство человека, воспитанного русской культурой.

Оставляя культурную биографию П. П. Сувчинского «открытой» (ее продолжение в последующем «уйдет» в план характеристики творческих исканий), автор в конце главы приходит к выводу, что П. П. Сувчинскому, несмотря на перипетии жизненных обстоятельств, удалось прожить полноценную жизнь нескольких поколений. В каждом из них он находил себя, одновременно помогая самоопределяться тем, кто был рядом.

Третья глава – «Культурфилософский и музыкальный векторы творческих исканий П. П. Сувчинского» – посвящена анализу культурологических, музыкально-философских воззрений П. П. Сувчинского. Рассмотрение основных, актуальных для настоящего времени, идей П. П. Сувчинского в контексте биографии, способствует выявлению его личностных особенностей: неуспокоенность, глубина погружения в исследуемые области знания, интерес ко всему необычному и новому, философствующий характер мышления – черты, определившие индивидуальность П. П. Сувчинского. Диссертант обращает внимание на то, что евразийский период (1920-е годы) жизни П. П. Сувчинского последовательно сменяют периоды, связанные с угасанием социально-политической активности и переключением на музыковедческую деятельность (разработка теории музыкального времени, организация концертов авангардной музыки, издательские проекты).

В параграфе 3.1. – «*«Русский культурный ренессанс» и типология творчества в интерпретации П. П. Сувчинского*» – на основе статей «Два ренессанса. 1890–1900-е и 1920-е годы» (1926), «Типы творчества. Памяти А. Блока» (1921), «По поводу “Апокалипсиса нашего времени” В. Розанова» (1927), «Знамение былого. О Лескове» (1921–1922) анализируются культурологические взгляды П. П. Сувчинского. Выбор материала обусловлен обсуждением двух актуальных для исторической культурологии и психологии творчества тем – «русского культурного ренессанса» и проблемы типологии творческой личности.

Понятие «русский культурный ренессанс», используемое для характеристики культуры России рубежного времени, П. П. Сувчинский впервые вводит в статье «Два ренессанса. 1890–1900-е и 1920-е годы» (1926 год). Диссертант подчеркивает историческое первенство своего «героя» над Н. А. Бердяевым и раскрывает авторскую трактовку этого понятия. Русский культурный ренессанс, по П. П. Сувчинскому, ознаменовался исцелением интеллигенции от нигилистического наследия и, как следствие, – отстранением ее от активных форм социально-политических и экономических преобразований в пользу пути духовного переосмысления бытия человека. Анализируя причинно-следственные, политико-психологические факторы, предвосхитившие и сопровождавшие этот культурно-исторический феномен, П. П. Сувчинский обращает внимание на проблему установления некой закономерности, при которой кризисы и катастрофы неизменно совпадают с начальными сроками ренессансных процессов.

1920-е годы П. П. Сувчинский определяет как *новый ренессанс*, открывающий новые *исторические перспективы* развития культуры в условиях советской действительности, где определяющим критерием подъема являются установка на коллективизм, тяга интеллигенции к социальному делу и жизненной подвижности. Категоризм суждений П. П. Сувчинского по данному вопросу, на наш взгляд, носит дискуссионный характер (особенно относительно «виновности» интеллигенции в революционной смене государственной власти, которую она, по его словам, искупила своим полным уничтожением). Его позиция есть не что иное, как позиция мыслящего, рефлектирующего сознания русского интеллигента, предпочитающего равнодушию и апатии точный анализ и трезвую оценку причин, приведших Россию к трагической развязке. Содержательное прочтение П. П. Сувчинским «русского культурного ренессанса» (и, соответственно, использование этого понятия как инструмента анализа эпохи Серебряного века) позволяет по-новому взглянуть на проблему взаимоотношений интеллигенции и революции, проблему исторической миссии русской интеллигенции.

Другая тема, интересующая П. П. Сувчинского в евразийский период, связана с разработкой типологии творческой личности. Диссертант обособляет важность данной проблемы для современной гуманитаристики. Перспективы исследования творческой личности с культурологических позиций видятся на сегодняшний день в двух направлениях: в выявлении специфики творческой личности и в необходимости типических обобщений (А. А. Гудкова). В основу типологии была положена идея соотношения биографии, психологических особенностей личности и ее творческого наследия (в определенном смысле эта идея была эксплицирована диссертантом на «текст» жизни самого П. П. Сувчинского). Понимание феномена творческой личности, с точки зрения П. П. Сувчинского, может лежать либо в плане жизни (когда творческий тип формируется самой биографией), либо в самом существе творческих процессов (в силу наклонностей, заложенных в природе человека). К первому типу личности он относит А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, являющихся, прежде всего, «субъектами и вершителями» собственных биографий. Ко второму типу – Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, А. Белого, Вл. Соловьева, чьи биографии «превращаются в ничто» в сравнении с их философско-художественным наследием. Стремление П. П. Сувчинского рассматривать *художника* в единстве личностных характеристик, биографии, культурной среды, творческого наследия совпадает и с нашим подходом. По мнению диссертанта, анализ биографии и творчества русских писателей и философов, предложенный П. П. Сувчинским, не утратил своей актуальности и открывает новые перспективы в изучении индивидуальных моделей творческой личности.

В параграфе 3.2. – «*Теория музыкального времени П. П. Сувчинского в контексте философских воззрений эпохи*» – рассматривается разработанная П. П. Сувчинским концепция «музыкального времени» (*Хроноса*), ставшая определенным жизненным итогом, к которому он приходит в конце 1930-х годов. Опираясь на «качество временного элемента» в творчестве различных композиторов, он создает свою теорию музыкального времени. Первый тип – *хроно-*

метрический – характеризуется отсутствием в музыке эмоциональной и психологической рефлексии. В основе этого типа лежит так называемое онтологическое время (свойственное И. Баху, Й. Гайдну, В. Моцарту, Д. Верди, И. Стравинскому). Второй тип – *хроно-аметрический* – базируется на психологической рефлексии, при которой музыка либо опережает реальное время, либо остается позади, что создает между ними «особую интерференцию и приводит к утомительной тяжести или нестабильности хроно-аметрической музыки»⁷ (творчество Р. Вагнера, Л. Бетховена, Ф. Шопена). Рассуждения П. П. Сувчинского относительно *течения* времени в музыке позволили ему, основываясь на анализе многочисленных примеров из истории и философии (что еще раз подчеркивает его музыкально-философскую эрудицию и профессионализм), близко подойти к ницшеанской интерпретации времени как *циклического* явления. К стадии становления (хронометрическая музыка) отнесены имена таких композиторов, как И. Бах, Й. Гайдн, В. Моцарт, Д. Верди. Для стадии разрыва кольца и хаоса (хроно-аметрическая музыка), по мнению П. П. Сувчинского, характерно творчество почитаемого им немецкого романтика Р. Вагнера. Суть хроно-аметрической концепции сводится к тотальному лейтмотивизму, исключаяшему постепенное – нормальное и спонтанное – развитие музыкального времени. Стадия возвращения к хронометрической музыке осмыслена в связи с анализом метро-ритмической концепции в творчестве И. Ф. Стравинского, который «вернул музыке законы композиции и ее имманентный опыт», тем самым продемонстрировав в своих произведениях действие принципа музыкальной хронометрии.

Концептуально идеи П. П. Сувчинского перекликаются не только с ницшеанской идеей о неразрывности временной триады, получившей развитие в искусстве XX века, но и с модной в те годы теорией французского философа А. Бергсона, которому принадлежит определение психологического (субъективного) времени как «внутреннего» (переживаемого человеком), резко отличающегося от физического, математического – «линейного» – времени. Определенное влияние на П. П. Сувчинского оказала и хайдеггеровская теория «бытия времени», основанная на идеи совместности в одном моменте *прошлого, настоящего и будущего* и способности времени перетекать из будущего в прошлое. Архаический миф о вечном возвращении, интерпретированный П. П. Сувчинским, пронизывает многие философские и художественные произведения XX века (в частности, учение О. Шпенглера о повторяющихся циклах, концепции А. Дж. Тойнби, М. Пруста, Т. Манна и многих других философов и писателей). При разработке «креативной типологии времени»⁸ П. П. Сувчинским учитывается, с одной стороны, культурнофилософская традиция, а с другой – природа и специфика музыкального искусства. На синтезе этих двух парадигм – философской и художественной – им выстраивается собственная теория музыкального времени.

⁷ Сувчинский П. П. Понятие времени и музыки. Размышления о типологии музыкального творчества // Музыкальная академия. 2001. № 1. С. 135.

⁸ Термин П. П. Сувчинского.

В параграфе 3.3.– «*“Domaine Musical” как культурный проект*» – рассматривается деятельность П. П. Сувчинского в качестве организатора одного из самых успешных (по мнению современников) музыкальных проектов послевоенной Франции «Domaine Musical» (1953–1973).

Причастность П. П. Сувчинского к руководству фестивалем долгое время оспаривалась, что, с одной стороны, было связано с особенностями его характера (отсутствие амбиций и роль «второго плана»), а с другой – статусом «апатрида» (человека без гражданства). В работе проводится связь «Domaine Musical» с проектом лидера нововенской композиторской школы А. Шенберга «Verein für musikalische Privataufführungen» («Общество закрытых музыкальных исполнений»), который, как и французский фестиваль, преследовал цель пропаганды современной музыки; подчеркивается сходство между Сувчинским и Шенбергом и в плане отрицательного отношения к экспансии американской музыки в Европу. Музыкальный фестиваль «Domaine Musical», первоначально заявленный как концертная антреприза, можно рассматривать в качестве культурного проекта П. П. Сувчинского, концептуальной идеей которого стала попытка образовывать и просвещать аудиторию, заставляя ее признать, что даже неподготовленное восприятие способно усваивать понятия и правила «большой» музыкальной науки. Как центр музыкальной культуры «Domaine Musical» собрал интеллектуально и творчески одаренных музыкантов, среди которых оказались всемирно известные впоследствии К. Штокхаузен, Д. Лигети, Л. Ноно, Э. Варез, Н. Буланже, О. Мессиа и многие другие. В качестве вывода формулируется мысль о том, что характерный и неизменный для П. П. Сувчинского интерес ко всему новому, диктовавший невозможность «выпадения из современности», стал главной чертой его философско-культурологических, музыкально-эстетических исканий. Сегодня, в ситуации размывания границ между социальными формами культуры, когда проблема музыкального авангарда утратила прежнюю остроту, когда улеглись жаркие споры вокруг эстетики новой музыки (а ее представители вошли в анналы «классиков авангарда XX века»), теоретические прогнозы П. П. Сувчинского относительно «музыки будущего» во многом сбылись.

В *Заключении* подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейшей работы. Наиболее существенные выводы, к которым приходит автор в конце работы, следующие:

1. Жизнь и творчество П. П. Сувчинского – пример служения искусству и людям искусства. Его по праву можно оценить как выдающуюся личность, чье наследие и «знаки» деятельности являются достоянием не только русской, но и европейской культуры.

2. П. П. Сувчинский являл собой тип культурсозидательной, свободной, интеллектуальной личности, чей поведенческий комплекс, психология, мировоззрение, формы творческой деятельности соответствовали основным эстетическим доминантам культуры XX века. Умение видеть линию будущего в развитии искусства, науки, философской мысли; потребность уходить от нормы, уважая ее, – черты, характеризующие пытливого, беспокойного ума и творческие искания П. П. Сувчинского.

3. В культурной биографии П. П. Сувчинского нашли отражение жажда перемен, обусловленная «эпохой перемен», диалектика типического и индивидуального, новаторского и традиционного.

4. П. П. Сувчинский всегда верил в непреложность идеи непрерывного «прогресса» в искусстве. Судьба уготовила ему роль культуртрегера и интеллектуального миссионера, чья «всеядность» культурного сознания оказалась соразмерной и соответствующей эпохе. Не будучи творцом, П. П. Сувчинский пребывал в творчестве, проживая собственную биографию в дискурсе персонального творческого и жизненного опыта, совпавшего с опытом истории культуры XX столетия. Сегодня этот опыт является культурологическим документом эпохи, в котором закодирован многозначный мир смыслов, требующий все новых и новых прочтений.

Перспективы дальнейшей работы автор видит в продолжении анализа жизни и творчества П. П. Сувчинского в контексте философско-художественных исканий Серебряного века (в частности, в соотносении с такими направлениями, как символизм, футуризм, мирискусничество); в специальном анализе меценатской деятельности П. П. Сувчинского в дореволюционный период (Санкт-Петербург, Москва, Киев); в возможном включении творческих идей П. П. Сувчинского в художественную картину мира конца XX – начала XXI века (постмодерн); в ликвидации «белых пятен» русской эмиграции (в частности, в изучении французского контекста жизни и творчества П. П. Сувчинского на основе привлечения богатейших архивных источников, публикаций на французском языке); в возможности применения культурологии личности в качестве инструмента анализа творческих личностей разных исторических периодов.

Г. С. Кнабе, соглашаясь с лотмановской интерпретацией культуры как «попытки выразить невыразимое», фиксирует два импульса в содержании понятия: выразить – значит сделать внятным, доступным, рационально воспринимаемым, логичным, структурированным. Но выразить невыразимое – значит выразить «доподлинно мое, сохраненное в дословесной глубине моего духа и потому текучее, изменчивое, окрашенное эмоцией и подсознанием, вырывающееся за пределы рациональности, внятной логики и структуры»⁹. Петр Петрович Сувчинский нес в себе оба эти импульса и потому был подлинным человеком культуры.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Колобова, Ю. И. С. Прокофьев и П. Сувчинский: из истории одной дружбы [Текст] / Ю. И. Колобова // Сквозь границы: культурологический альманах. – Киров: Изд-во ВятГПУ, 2002. – С. 36–38 (0,25 п. л.).

2. Колобова, Ю. И. Категория времени в культурфилософии П. Сувчинского [Текст] / Ю. И. Колобова // Интеллектуальная элита России XX века: столица и провинция: м-лы межрегион. науч. конф. – Киров: Изд-во ВятГПУ, 2003. – С. 126–132 (0,3 п. л.).

⁹ Кнабе Г. С. Об Аверинцеве // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 34–35.

3. Колобова, Ю. И. Игры со временем и жизнью (к вопросу о постмодернистской эстетике П. Сувчинского) [Текст] / Ю. И. Колобова // Вестник культурологии: сб. науч. м-лов студентов и аспирантов. – Вып. 1. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – С. 29–34 (0,25 п. л.).

4. Колобова, Ю. И. Исход к постмодернизму: Сувчинский и музыка [Текст] / Ю. И. Колобова // Вестник Евразии–Acta Eurasica: Независимый научный журнал. – М., 2003. – № 3 (22). – С. 8–24 (1 п. л.).

5. Колобова, Ю. И. Культурология личности: к изучению вопроса [Текст] / Ю. И. Колобова // Вестник культурологии: сб. науч. м-лов студентов и аспирантов. – Вып. 2. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – С. 48–52 (0,2 п. л.).

6. Колобова, Ю. И. Петр Сувчинский в оценке современников (1920–1930-е годы) [Текст] / Ю. И. Колобова // Пространство культуры в парадигме междисциплинарных исследований: м-лы межрегион. науч.-теор. семинара «Культурологические студии». – Вып. 4. – М.: МГОПУ им. М. А. Шолохова; Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – С. 23–29 (0,3 п. л.).

7. Колобова, Ю. И. Тип культурсозидательной личности в переломную эпоху: феномен «русского европейца» (С. Дягилев и П. Сувчинский) [Текст] / Ю. И. Колобова // Сквозь границы: культурологический альманах. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – № 4. – С. 119–124 (0,3 п. л.).

8. Колобова, Ю. И. Петр Сувчинский и музыкальный Париж 1950-х годов [Текст] / Ю. И. Колобова // «В рассеянии сущие...»: I Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 15–16 февраля 2005 г.): сб. докл. междунар. конф. / отв. редактор И. Ю. Белякова. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. – С. 33–42 (0,5 п. л.).

9. Колобова, Ю. И. Биография как форма культурного творчества (на примере жизненного пути П. П. Сувчинского) [Электронный ресурс] / Ю. И. Колобова // Культура & общество: Интернет-журнал Моск. гос. ун-та культуры и искусств. <http://www.e-culture.ru> (0,5 п. л.).

10. Колобова, Ю. И. Культурология личности как научно-исследовательский подход // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2006. – № 3. – С. 163–166 (0,25 п. л.).

11. Колобова, Ю. И. П. Сувчинский о смысле «русского культурного ре-нессанса» [Текст] / Ю. И. Колобова // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2006. – № 7. – С. 12–15 (0,25 п. л.).

Подписано в печать 17.11.2006 г.

Формат 60х84/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 1,25.
Тираж 100 экз.
Заказ № 172.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673674

